

«Приходится отвечать на дурацкие вопросы, причем одни и те же, типа: почему все певцы толстые? А вот вас сравнивают с Марией Каллас... Невозможно это!»

Оперная звезда Анна Нетребко — Газете

«Много размышлять над образом не нужно и даже вредно»

Анна Нетребко — Газете

Анна Нетребко: «Не надо думать — надо просто исполнять то, что написал композитор»

Мариинский театр 29 декабря сыграет последнюю премьеру сезона — оперу Римского-Корсакова «Царская невеста». В России впервые покажут спектакль, мировая премьера которого состоялась 10 декабря в Голландии, в городе Гронингене. Постановщики спектакля — дирижер Валерий Гергиев, режиссер Юрий Александров и сценарист Зиновий Марголин. С исполнительницей главной партии, звездой мировой оперы Анной Нетребко беседовала Голяра Садык-заде.

Вам уже приходилось петь эту партию?
Да, в театре Сан-Франциско в 2000 году. Моими партнерами были Дмитрий Хворостовский, Ольга Бородина и Владимир Огневенко! С того времени я больше не общалась с этой партией и не видела спектакль в Гронингене — там пела Ольга Трифонова. Сценических репетиций у меня еще не было, и я пока совершенно не представляю, что это будет за спектакль. Конечно, мне о нем уже немало рассказали. Да и что такого сложного? Выйду и спою.

А рисунок роли? Вдруг на сцене не туда повернете и столкнетесь с партнером?
Ну, если уж я в Мюнхене спела «Травиату» после часовой репетиции, причем даже не на сцене, а в классе и без партнеров — после такого ничего не страшно.

То есть вы уверены, что ориентируетесь по ходу действия?
Да.

Образ Марфы довольно сложен, требует незаурядных актерских данных. К финалу ваша героиня сходит с ума. Как вы представляете себе свою героиню?
Представление об образе родилось сразу, окончательно и бесповоротно. В этом и заключается моя работа над партией: когда ее учила, мне сразу все было ясно. Наверное, это один из самых светлых и счастливых образов в русской музыке. Она молода, невинна, счастлива. И то, что с ней потом происходит, — страшная трагедия. Невинное существо загублено, растоптано. Она как сорванный цветок, попавший под жестокую машину власти; вот именно — сорванный цветок, мне сразу пришло на ум это сравнение.

Виолетта в «Травиате» — одна из ваших коронных партий — тоже кончается плохо. Это вообще типичный поворот сюжета для лирико-драматических героинь: все кончается смертью. Чем русская Марфа отличается от парижанки Виолетты в вашем исполнении? Не вижу никакой специфики. Марфа — обычная молодая девушка. В ее характере нет ничего, что отличало бы ее от других героинь. Вообще, я считаю, что много размышлять над образом не нужно и даже вредно. Некоторые певцы вдаются так глубоко в подробности, что закапываются в них. Это лишнее.

Музыка все договаривает? Конечно! Не надо думать — надо просто исполнять то, что написал композитор. Чем проще будет подход к этому, тем лучше. Мудрости и много думать не надо.

Последние сезоны у вас были насыщены событиями: вы открывали сезон в Ко-

лым небом. В Берлине традиция такая: летом в парке устраивают концерты по случаю закрытия сезона. До этого я пела в Мюнхене в Баварской Опере. Там как раз и была эта «Травиата», в которую я ввелась после часовой репетиции. Дирижировал Зубин Мета. И второй раз я пела «Травиату» там же, но уже зимой. **А почему вы не поехали во Флоренцию, петь в тамошнем театре? Там ведь тоже Мета главным дирижером? Отказались, хотя было запланировано, что я спою в «Свадьбе Фигаро». А почему отказались? Потому что устала.**

Сейчас все только и говорят, что о ваших новых дисках — расскажите о них.
Я получила «золотой диск» в Германии неделю назад. Он называется Sempre Libera: итальянские арии и сцены из опер с Клаудио Аббадо и Камерным оркестром имени Малера.

Какова система раскрутки дисков на Западе?
Очень простая: чем больше раскрутят, тем лучше. Используют все средства, пиар — это все. Приходится давать интервью, выступать по телевидению, по радио. Я делаю лишь четвертую часть того, о чем меня просят. Телевидение, бесконечные пресс-конференции... Приходится отвечать на дурацкие вопросы, причем одни и те же, типа: почему все певцы толстые? А вот вас сравнивают с Марией Каллас... Невозможно это!

Такова цена успеха.
Да, но у меня иногда возникает ощущение, что я провожу какой-то. Что через меня люди, далекие от классической музыки, от мира оперы, приобщаются к нему. Иногда вопросы попадают потряса-

юще безграмотные. Хотя там есть всякие журналисты. Есть критики, которые пишут в журналы, в серьезные издания — их статьи интересно читать. Мне, например, очень нравится, как пишут о музыке в Америке. Самые лучшие статьи появляются в New York Times.

С какого события вы начинаете отсчет стремительного взлета вашей карьеры на Западе?
С Зальцбурга, конечно. Когда я спела партию Донны Анны в «Дон Жуане» в спектакле Кушея-Арнонкура.

А дебют в «Метрополитен-опере»?
Ну там тоже был успех, я спела Наташу Ростову в спектакле «Война и мир», на гастролях Мариинского театра. Это было зимой 2002 года, а летом 2002 года я уже пела в Зальцбурге.

Как вам удалось попасть на такую престижную постановку в Зальцбург?
Николаус Арнонкур очень долго искал исполнительницу на партию Анны. Чуть ли не пять лет; кого только не переслушал, и все говорил: «Не то, не то, не то...» У него было свое определенное видение того, какая должна быть Донна Анна. Я приехала на прослушивание в Вену, спела фразы две, не больше. Арнонкур меня остановил и сказал: «Хорошо, будем работать».

Вы ведь, кажется, пели ту же партию в нашем «Дон Жуане», в Мариинке? Нет! Это уже потом, после того как попала на постановку в Зальцбург, я ее спела здесь, для обкатки. Быстренько выучила, за пять дней — и спела. А до этого — куда там! Когда я заговаривала о Донне Анне, все смеялись и говорили: «Ты что, с ума сошла? Это не твоя партия!» Как правило, эту партию поют большие, «бомбящие» голоса. Но Арнонкуру как раз такого сопрано не нужно было, он хотел другого.

Волновались ли вы перед работой в Зальцбурге?
Конечно. Но старалась не обращать внимания: ну Арнонкур, ну Томас Хэмпсон — и что? А иначе невозможно спокойно работать. Даже перед премьерой особо не волновалась. И с режиссером все было ясно с самого начала. У меня вообще с образами все четко происходит: открываю клавиш, внимательно в него смотрю и пытаюсь выяснить для себя — что мне лично как исполнителю интересно здесь, что я могу привнести свое, чтобы выглядеть естественно. В клавише ведь все написано: слова, музыка. Они ясно доносят намерения автора.

Да, в гениальных операх.
А не гениальные нам не нужны, так ведь? (Смеется.) Так что все очень просто. У меня никогда не возникало особых разногласий ни с дирижером, ни с режиссером. Они принимают мою точку зрения, мое видение.

Ваши главные достоинства — естественность, непосредственность — такие ценные качества в наше время, что любой здравомыслящий режиссер постарается сохранить их в спектакле. Но иногда от страха у меня начинаются ступор, и тогда я начинаю выглядеть стервой на сцене. Не потому, что у меня такой характер, просто от страха. Когда на телевидении нашу «Травиату» снимали — все было не так в тот день, буквально все! Все мимо, все плохо. Я была такая злая и расстроенная... мою физиономию крупным планом показывают, а на ней написано: «Сейчас убью всех!»

Я тут с изумлением узнала, что Гергиев вас впервые заметил, идя по коридору: вы будто бы мыли пол и напевали что-то из партии Сюзанны. Это правда?

Ну что вы! Конечно, нет. Один из тех дурацких мифов, который меня безумно раздражает и по поводу которого вечно донимают вопросами. Вы представляете себе эту картину: идет Гергиев по коридору, я стою в такой... гм... характерной позе — и тут он восклицает: «О-о, хорошее сопрано!» Я действительно работала в театре уборщицей, это все знают, этот факт уже все газеты обсосали. Но попала в театр я совершенно обычным и закономерным путем: выиграла конкурс Глинки, получила первую премию. К этому моменту подошла постановка «Свадьбы Фигаро». Мы с моим педагогом подумали — а почему бы не послушаться на роль Барбарини? И заодно, может, дадут спеть партию Царицы Ночи в «Волшебной флейте»... Это была еще та, первая постановка «Свадьбы Фигаро», с Юстусом Францем. Спела Барбарину, но меня неожиданно выдвинули на партию Сюзанны. Было это так. Я сидела на репетиции, и вдруг режиссер мне предложил: «А ну-ка попробуй!» И у меня все получилось с первого раза. И тогда режиссер сказал: «Все, будете петь Сюзанну».

Вы все быстро схватываете и сразу можете повторить?

Да, могу. Это естественно для всех оперных певцов, мы должны быстро реагировать и быстро запоминать. Иначе не впишемся в процесс. На Западе вообще принята такая система: ты приезжаешь за день до спектакля и вводишься в него за одну репетицию. Никто тебе не даст оркестровой репетиции; хорошо, если твои партнеры придут на сценическую — а то ведь могут и не прийти, там же одни звезды поют. И ничего, я как-то смотрела в Венской опере великолепный спектакль, где все певцы были приглашенные и пели без единой предварительной репетиции. Там все приходят с партиями, сделанными «от и до». Если постановка классическая, не навороченная, там и так все ясно, все логично: туда-сюда. А в навороченных я особо не пела. Разве что у Кушея в «Дон Жуане». Мы с ним сначала даже поругались. Говорю ему: «Не понимаю, что вы хотите от меня, объясните». Он пустился в объяснения, мол, тут все интеллектуально. А я его прервала: «Вы мне лучше скажите, в какую сторону идти». Нельзя, конечно, такое режиссеру говорить. Он и обиделся. Но потом мы с ним помирились. И сейчас даже дружим.

Всегда записываетесь на Deutsche Grammophon?

Я подписала с ними эксклюзивный контракт два года назад. За это время они выпустили два моих диска. Первый я записала с оркестром Венской филармонии, дирижировал Джанандреа Нозеда. Там были популярные арии из самых разных опер: из «Русалки», из «Фауста».

Диск продается везде — так они постарались с этим промоушеном. Про искусство там никто не говорит, идут бесконечные интервью. Стоит появиться моей фотографии с маленькой заметкой в каком-нибудь модном журнале, и на следующий же день после публикации продается по пять тысяч дисков.

Вы хотите сказать, что на покупателей действует ваша внешность? Внешность имеет значение. Но только в жизни, а не на большой сцене — там же все равно не видно.

Ну не скажите, а пластика, походка, общий облик? Кстати, вы что-нибудь делаете для поддержания формы? Старюсь, люблю. Энергии я тоже много трачу — один спектакль провести чего стоит! Еще люблю пить вино. Крепкие напитки не люблю, а вино... Прекращать, наверно, надо при моем графике жизни, но не получается.

Слышала, вы в Зальцбурге на велосипеде передвигались? А как иначе? Город-то закрытый, туда машины не пускают. У меня и машины нет, я водить не умею. И некогда учиться.

Зачем вам учиться? Можно шофера нанять. Да? А в Америке? Там такие расстояния, иногда нужно ехать до театра шесть миль, а общественный транспорт не везде ходит. Не всегда же такси вызывать.

Подолгу приходится жить в Америке? Когда есть контракт на постановку — да. Месяц-полтора репетируешь, потом отыгрываешь семь-восемь спектаклей, и разбежался. Эта система мне нравится; тогда и качество исполнения лучше, и готовятся все тщательнее.

У вас идеальная фигура. Спортом занимаетесь?

В детстве я чем только не занималась: акробатикой, легкой атлетикой. Сейчас уже ничем не занимаюсь. Иногда посещаю фитнес-зал, плаваю в бассейне. Но серьезно заниматься спортом нет времени.

То есть жизнь состоит из репетиций, спектаклей и переездов? И интервью.

Это важная составляющая вашей деятельности... Вы, говорят, купили вторую квартиру рядом с театром? Переехала туда в июле. Очень хорошо себя в ней чувствую. Ремонт закончили, остались мелкие недоделки.

Как я понимаю, собираетесь выехать там периодически, наездами? Да, у меня же все расплано на три года вперед. И на пять лет — с «окошками».

И с кем вы будете в этой квартире жить? С подружкой Катей. Она мне очень помогала с квартирой. Но вообще-то у меня есть бойфренд, он итальянец, зовут его Симоне Альбергини. Мы вместе уже пять лет. Он тоже будет приезжать. Симоне очень хороший, добрый.

Вы поете вместе? Редко, я к этому не стремлюсь. У него пусть будет своя карьера, у меня — своя. Эти семейные концерты не по мне.

газета

сверхновая

Анна Нетребко — звезда мировой оперной сцены, солистка Мариинского театра. Родилась в Краснодаре, окончила Санкт-Петербургскую консерваторию. На четвертом курсе была приглашена на постановку в театр после победы на Всероссийском конкурсе вокалистов им. М.И. Глинки. Лауреат II Международного конкурса молодых оперных певцов им. Н.А. Римского-Корсакова, театральной премии Casta Diva, театральной премии «Золотой софит». Дебютировала в Мариинке партией Сюзанны из «Свадьбы Фигаро», в Метрополитен-Опера — партией Наташи Ростовской («Война и мир»), на Зальцбургском фестивале — партией Донны Анны («Дон Жуан»). Поет на сценах Ковент-Гардена, Баварской оперы, в театрах Сан-Франциско, Вашингтона, Лос-Анджелеса.